

Е. М. Дронова (Воронеж)

**ИЗВЕСТНОСТЬ АЛЛЮЗИВНОГО ФАКТА
КАК СОЦИАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЙ КРИТЕРИЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА АЛЛЮЗИИ**

В данной статье рассматривается проблема включения в ткань художественного произведения аллюзивной информации, а также изучаются способы ее успешного декодирования. В статье выдвигается тезис о том, что известность аллюзивного факта выступает как социально-обусловленный критерий идентификации стилистического приема аллюзии.

The article is focused on the problem of including allusions into narration and methods of their decoding and interpretation. The author assumes that a person's background knowledge and cultural thesaurus play the key role in the process of penetrating into the level of the text implications.

В настоящее время в связи с господствующим положением теории интертекстуальности в сфере лингвокультурологии и литературоведении, возрос интерес исследователей к проблеме включения в текст элементов, обладающих высокой аллюзивной плотностью.

Говоря об идентификации стилистического приема аллюзии, следует отметить, что среди исследователей нет единой точки зрения по данной проблеме. Мы понимаем под аллюзией наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам. Такие элементы можно считать маркерами или репрезентантами аллюзии, а тексты и факты действительности, к которым осуществляется отсылка, – денотатами аллюзии. Такая интерпретация аллюзии характерна для работ И. Р. Гальперина и И. В. Арнольд.

Одной из неотъемлемых характеристик аллюзии является ее направленность на реципиента, получателя текстовой информации. Так, ещё А. А. Потебня отмечал, что условие уместности аллюзии «заключается в том, чтобы она и для говорящего и для слушающего была понятна» (Потебня 1957). Доступность материала, на который делается аллюзия, является по существу единственной гарантией идентификации аллюзии в тексте, поскольку она обычно вводится в художественное по-

вестование без ссылок, объяснений и, как правило, не выделяется формальными маркерами. Таким образом, в отличие от других образных средств художественной изобразительности, в которых предполагается установление ранее неизвестных связей между объектами, в аллюзии, наоборот, необходима определенная степень знания связей между описываемыми объектами.

Вследствие этого, аллюзии, в большинстве своем, соотносятся с фактами, в том или ином плане ставшими значимыми и приобретенными известность у значительного круга людей. Причины, вызывающие подобную популярность, могут быть самыми разнообразными. Для литературной аллюзии, очевидно, имеют немаловажное значение эстетико-художественные достоинства произведения – источника аллюзивного факта, яркая репрезентация художественного смысла-образа, благодаря чему последний приобретает непреходящую ценность. Известность мифологических и библейских фактов зависит от роли, которую религиозно-нравственные установки играют в жизни отдельно взятой лингвокультурной общности. Влиянием на жизнь и мировоззрение людей объясняется известность некоторых исторических лиц и событий. Тем не менее, наблюдения показывают, что знание аллюзивного факта, особенно если он уходит вглубь веков, по объективным причинам в настоящее время носит лимитированный характер, что затрудняет локализацию и декодирование аллюзий в тексте.

Известно, что в случае языкового общения основой для декодирования полученной информации служит «знание говорящими локализованных культурных феноменов, с которыми соотносятся словесные знаки» (Сепир 1993). В этой связи характерно известное высказывание В. В. Виноградова о том, что « в той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей культуры» (Виноградов 1947).

Наличие у адресанта некоей суммы предварительных обобщений и классифицированных экстралингвистических знаний, являющихся решающим фактором при установлении смысла сообщения, образует пресуппозиции. Как известно, термин «пресуппозиция» имеет несколько трактовок и включает такие разновидности, как прагматические, синтагматиче-

ские, коннотативные, коммуникативные и другие пресуппозиции. Вслед за Г. В. Колшанским, мы рассматриваем пресуппозицию как некоторый обязательный фонд знаний, накопленный участниками коммуникации до момента образования или восприятия соответствующего конкретного высказывания. Целесообразность выбора данной интерпретации пресуппозиции обусловлена тем, что аллюзия, будучи приемом *косвенного* соотнесения с определенным объектом реального или вымышленного мира, содержит знания, эксплицитно не выраженные в тексте. Не подлежит сомнению тот факт, что вид пресуппозиции, соотносимый с пониманием аллюзивной информации, требует большого культурного багажа участников коммуникации. Современные лингвисты подчеркивают зависимость семантики слова вообще и аллюзивного в частности от культурной среды индивидуума, таким образом включая культурный компонент в содержательную структуру слова. Еще в своей книге «ПЕРЕРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ У ЧЕЛОВЕКА» П. Линдсей и Д. Норман ввели понятие культурного тезауруса как «социально-закрепленной системы знаний, сосредоточенной в информационной базе или банке (*data bank*) памяти» (Линдсей, Норман 1984). Предполагается, что опыт людей, входящих в ту или иную лингвокультурную общность, должен быть приблизительно одинаков. Однако на практике оказывается, что образовательные, социальные, территориальные, возрастные, гендерные, профессиональные факторы оказывают огромное влияние на формирование культурного тезауруса. Неповторимый личный опыт приводит к формированию различных информационных полей участников коммуникации. Между тем, коммуникация опирается прежде всего на общую для всех предполагаемых участников часть сведений культурного тезауруса, которая в терминологии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова получила название фоновых знаний.

Рассматривая структуру фоновых знаний с точки зрения их происхождения и выделяя при этом общечеловеческие, региональные и страноведческие знания, необходимо особое внимание уделить природе последних. Страноведческие фоновые знания следует рассматривать как элемент массовой культуры. В качестве такового, фоновые знания разделяются на фоновые знания культурного наследия и актуальные фоновые знания, отличающиеся высокой степенью нестабильности.

Тезис о нестабильности фоновых знаний, актуализируемых в конкретный исторический период, объясняет причины относительно ограниченной доступности аллюзии декодированию.

Если говорить о списке тематических источников аллюзии, то в большинстве своем они принадлежат той области фактов культуры, которую можно назвать общечеловеческой или «гуманитарной» культурой. К ним следует причислять знания современных иностранных и классических языков, литературных цитат, Библии, мифологии. Огромную роль в формировании фоновых знаний играют современные средства массовой информации, особенно интернет. В этой связи можно отметить, что обилие поступающей информации образует поверхностный слой знаний, в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей, что приводит к образованию так называемой «мозаичной культуры».

Реальная вероятность того, что аллюзия в художественном произведении может остаться фактически неопознанной, подтверждается все более часто встречающимися разъяснительными комментариями, сопровождающие художественные тексты предыдущего века, не говоря о произведениях более раннего периода.

По справедливому замечанию писателя Р. Грейвза в его предисловии к новому изданию “THE GREEK MYTH”, в настоящее время от читателя не ожидают, что он может обладать всем спектром знаний о Дедале, Антигоне или Лаокооне. Даже традиционное для Англии знание Библии на сегодняшний день не является всеобщим.

Наблюдения свидетельствуют, что писатели, заведомо обладающие глубокой эрудицией в названной сфере знаний, помимо аллюзивного заглавия, стараются использовать аллюзии лишь на наиболее известные факты, боясь остаться непонятыми.

Американским исследователем Г. Тернером было высказано мнение, что аллюзии в художественных произведениях – умирающее искусство, не способное более вызывать понимание читателя. Это мнение отчасти справедливо в отношении аллюзий на факты общечеловеческой культуры, отделенные от современности значительным хронологическим интервалом.

Вместе с тем следует принимать во внимание, что страноведческие фоновые знания, столь существенные для функцио-

нирования аллюзий, – явление историческое, связанное с историческим развитием той или иной лингвокультурной общности. Вследствие этого существуют, очевидно, фоновые знания, обладающие абсолютной ценностью и долголетием, не зависым от времени их появления.

Несомненно, что знания о выдающихся фактах национальной и общечеловеческой культур, должны являться частью культурного тезауруса представителей конкретного национального общества и облегчать задачу декодирования аллюзий на подобные факты в художественных произведениях. Таким образом, опасения относительно жизнеспособности аллюзий представляются преувеличенными.

Однако тенденция к использованию аллюзий на самые известные «гуманитарные» факты подтверждает предположение о том, что писатели в явной форме осознают существование страноведческих фоновых знаний и ориентируются на них в своем творчестве не только интуитивно, но и вполне сознательно.

Это предположение подтверждается и ориентацией современных писателей на употребление аллюзий, соотносящихся с такой недолговечной с точки зрения абсолютной продолжительности, но тем не менее неотъемлемой частью актуальных фоновых знаний, как сведения типа модных песенок, рекламных слоганов, имен музыкантов, актеров, фактов жизни кумиров публики.

Отмечаемые тенденции употребления аллюзий именно на те факты, сведения о которых входят в актуальный объем фоновых знаний, как сведения массовой культуры, заставляет прийти к следующему выводу: в отличие от более или менее произвольного употребления других стилистических приемов, использование аллюзий является социальнообусловленным и в значительной степени предопределенным теми актуальными фоновыми знаниями, которыми обладает конечное звено системы передачи информации «ПИСАТЕЛЬ – АЛЛЮЗИЯ – ЧИТАТЕЛЬ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В.Арнольд. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 384с.
2. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 247с.

3. Виноградов В.В. Русский язык / В.В.Виноградов. – М., 1947. – С.13.
4. Колшанский Г.В. О понятии контекстной семантики // Теория языка. Англистика. Кельтология / Г.В.Колшанский. – М., 1986. – С.69-75.
5. Линдсей П. Переработка информации у человека / П.Линдсей, Д.Норман. – М., 1984. – С.367.
6. Потебня А.А. Из записок по теории словесности / А.А.Потебня. – Харьков, 1947. – С.226.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656с.
8. Turner G.W. Stylistics. – N.Y., 1973. – Pp.213-214.

Получено 28.02.2006 Воронежский государственный университет

Дронова, Елена Михайловна – преподаватель кафедры английской филологии Воронежского государственного университета.